

15. Конев, И.В. Арбитражно-посреднические технологии регулирования социальных конфликтов / И.В. Конев, А.В. Сакулин. – Белгород: Изд-во БГТУ им. Б.Г. Шухова, 2008.
16. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (принят ГД ФС РФ 14.06.2002) (ред. от 27.12.2005, с изм. от 02.03.2006), // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
17. Федеральный закон от 24.07.2002 N 102-ФЗ "О третейских судах в Российской Федерации" (принят ГД ФС РФ 21.06.2002),// "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3019.
18. Постановление Минтруда РФ от 14.08.2002 N 59 «Об утверждении рекомендаций об организации работы по рассмотрению коллективного трудового спора в трудовом арбитраже» // «Бюллетень Минтруда РФ», N 8, 2002.
19. Сакулин, А.В. Арбитражные технологии регулирования социальных конфликтов: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук / А.В. Сакулин. – Орел, 2007.
20. Лефевр, В. Конфликтующие структуры / В. Лефевр. – М.: Мир, 1972.
21. Лефевр, В. Конфликтующие структуры / В. Лефевр. – М.: Мир, 1972.
22. Особенности рефлексивного регулирования социального конфликта раскрываются также в работах А. Рапопорта. См.: Рапопорт, А. Конфликт – консенсус как поле для «рефлексивной политики» / А. Рапопорт // Полис. – 1999. – № 1.
23. Соловьев, А. Превентивное управление конфликтом: есть ли необходимость говорить об этом? / А. Соловьев // Человек и труд. – 1998. – № 9.
24. Соловьев, А. Превентивное управление конфликтом: есть ли необходимость говорить об этом? / А. Соловьев // Человек и труд. – 1998. – № 9.
25. Данакин, Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н.С. Данакин. – М.: Белгород: Центр социальных технологий, 1996; Дятченко, Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л.Я. Дятченко. – М. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА УКРАИНЕ)

Н.О. Гордеева,

*кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и организации
работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

«Мудрый правитель не создаёт народу соблазнов, но заботится о том, чтобы народ был сытым. Это и ликвидирует страсти, и укрепляет здоровье у подданных. Да, мудрый правитель постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было соблазнов и страстей, а глубоко порочные люди не смели бы действовать». Лао-Цзы, «Дао-Дэ-Цзин»

Новое тысячелетие можно назвать эпохой перемен, охвативших все сферы жизнедеятельности украинского общества: экономическую, политическую, социальную, духовную. Изменения эти оказались настолько сильны, что затронули даже инертные структуры общественного сознания. Этот процесс отяго-

щен состоянием хронического эмоционального стресса, охватившим все слои населения и повлиявшим на сложные биосоциальные структуры.

Негативные явления повседневной жизни таких, как инфляция, социальная и политическая нестабильность вплоть до открытой агрессии против населения, отсутствие правовых гарантий, безработица и неопределенность будущего, и даже сама ситуация социальных и территориальных перемен, дали толчок социальной дезадаптации людей во множестве ее проявлений и развитию разнообразных девиаций. Этому предшествовали утрата прежних мировоззренческих ориентиров, что и привело к образованию ценностного "вакуума" в молодежной среде, который заполнился "псевдоценностями", навеянными кризисной ситуацией в обществе и чужой культурой. Благодаря этому иерархия общечеловеческих ценностей претерпела существенную деформацию.

В создавшихся условиях особое значение приобретают доверительные отношения, которые гармоничная семья способна обеспечить в большей степени, чем другие социальные структуры.

Трансформационные процессы, происходящие в нашем обществе, коснулись института семьи. Семья в Украине в течение XX столетия претерпела глубокие изменения, отразившиеся главным образом на ее основных функциях – хозяйственно-экономической, репродуктивной и воспитательной.

Семья, как и другие социальные институты, является специфическим образованием, обеспечивающим относительную устойчивость социальных связей и отношений в обществе. В последние годы бурных социальных перемен наблюдаются изменения института семьи не только на уровне отдельных функций, но и во всей своей структуре, носящие кризисный характер.

Наиболее тревожным в этом процессе можно считать возросшее число нестабильных браков, проблемных, незарегистрированных и неполных молодых семей с детьми, в том числе появление несовершеннолетних матерей-одиночек. К важной проблеме можно отнести настойчивые рекомендации западных коллег о такой модернизации украинской семьи, как легитимизация нового типа семьи – «брака-содружества, не характерного для славянского православного общества, как гиперболизированной формы эгалитаризации гражданского общества.

Что касается гражданского общества, то единого определения не существует, а соответствующее понятие, используемое в западной литературе, отражает историческую традицию западноевропейских стран последних двух сотен лет.

Этот термин в его современном употреблении относится к некоторой утопической модели общества (где гармоничное сосуществование индивидов и государства регулируется независимыми институтами).

Тему гражданского общества в ее соотношении с таким социальным институтом, как государство, можно отнести к классическим темам социальной и политической философии.

В социологии есть несколько конкурирующих определений того, что это понятие в себя включает. Тем не менее, его ключевые атрибуты, которые относятся скорее к общественной жизни, чем к частной или семейно-бытовой

деятельности; понятие сочетается с семьей и государством; оно существует в рамках правил и законности [14, Р. 74].

Похоже, что большинство представителей власти имеют в виду участие народа в общественных объединениях, средства массовой информации, профессиональные ассоциации, профсоюзы и т.п.

Для некоторых мыслителей (Гегель) это понятие, расположенное между индивидуальным (или семейным) и государственным, было явлением слишком кратковременным для того, чтобы быть трансцендентным (превосходным), когда сочетаются воедино личные и общественные интересы. Гегель указывал, что в гражданском обществе «каждый сам для себя цель, все остальное – ничто».

Для других исследователей «гражданское общество» противопоставляется государству, тогда как для Антонио Грамши (1959) гражданское общество было оплотом классовой гегемонии, и в конечном счете (хотя и не однозначно), поддерживающим именно государство. А.Грамши трактует «гражданское общество» как иную сферу доминирования руководящей группы, где ее господство выражается в «культурной гегемонии».

Позднее использование понятия опиралось 1) на опыт распада коммунизма в Восточной Европе и видимой атрофии несуществующего мезоуровня социальных отношений, 2) в сфере социальной самоорганизации, 3) на уровне сочленения интересов между частной/семейной сферой и тоталитарным государством.

Гражданское общество всегда рассматривалось как понятие, относящееся к динамике и охватывающее «социальные изменения». Его также предлагается рассматривать в качестве динамической стороны «гражданства», которое в сочетании с достигнутыми гражданскими правами и обязанностями, считается практичным, безупречным, обновленным и пересмотренным на уровне гражданского общества.

Таким образом, свобода слова как важнейшее гражданское право зависит как от культуры и организованности издателей с журналистами, так и читающей публики в целом, как для способа, которым это все легитимизируется, так и для его размаха с интенсивностью. [17].

Зрелость гражданского общества определяется способностью отдельных граждан и различных организаций отстаивать свои частные интересы, возможность их удовлетворения по собственному усмотрению, не нарушая при этом чужих частных и общественных интересов.

Как известно, среди основных видов социальных институтов гражданского общества можно выделить три группы. Это организации, в которых индивид: 1) получает средства к удовлетворению жизненных потребностей в пище, одежде, жилье и т. д. Эти средства индивид может получить в производственных организациях, потребительских и профессиональных союзах; 2) удовлетворяет потребности в управлении жизнью общества. Здесь интересы реализуются посредством участия в функционировании политических партий и движений и 3) удовлетворяет потребности в продолжении рода, общении, духовном и физическом

совершенстве и т. д. Этому способствуют семья, церковь, образовательные и научные учреждения, творческие союзы, спортивные общества и т. д.

В настоящее время трансформационные процессы в обществе искусственно эгалитаризируются, что, по мнению некоторых авторов (А.Г.Сытин), выводит исследователей на мысль о том, что это и есть основная особенность гражданского общества.

Профессор Вестминстерского университета, директор Центра изучения демократии (Лондон), рассматривает темы, ставшие центральными для демократической мысли, начиная с 18-го столетия. Опираясь на традиции европейской политической философии, Дж.Кин развивает идею о том, что подлинная демократия предполагает разграничение гражданского общества и государства.: Почему данная проблема вновь стала так важна в наши дни и с какими опасностями сталкиваются демократические институты в сегодняшней Европе? Автор пытается дать ответ на эти вопросы и утверждает, что гражданское общество должно рассматриваться как условие возможности эгалитарного многообразия [6].

Эгалитарное многообразие проявляется в структуре и функциях современной семьи.

Принадлежность супругов к различным культурным и социальным группам, разное образование, разные профессии нарушают гармонию. Как указано в литературе [5], чем резче разница в образовательном уровне жены и мужа (особенно при преимуществе жены), тем больше шансов, что брак завершится разводом. В то же время гомогенная семья, как правило, более устойчива, гармонична, эгалитарна. Такие семьи составляют около 70% общего числа семей [13, 138].

Следует отметить, что в периоды обострения национального шовинизма на государственном уровне особое внимание, как правило, уделяется семье, в частности, увеличению числа гомогенных браков.

В целом, характер отношений между полами обусловлен биологической необходимостью, с одной стороны, продолжения рода и сохранения вида, с другой – регулирования эмоциональных состояний для получения наслаждения. В отличие от эгалитарной, в традиционной патриархальной семье за супругами в строгом соответствии с полом закреплены определенные роли: жена – это мать и хозяйка дома; за мужем – материальное обеспечение семьи и инициатива в отношениях интимного характера [1, С.31]. Такой тип власти общепринят и часто узаконен в Таиланде, Японии, Германии, Иране, Бразилии и др.»

В последние годы во многих индустриально развитых странах произошел переход от патриархальной к эгалитарной семейной системе. В основном это обусловлено увеличением числа работающих женщин. При такой системе власть распределяется между мужем и женой почти в равной мере [10, С. 40].

Между традиционной и эгалитарной семьями имеется ряд переходных форм. Так, английские исследователи (Nye, 1976) выделяют новый тип отношений и распределения власти в семье, определенный ими как “companionship», или “брак-содружество» (ставший распространенным во многих цивилизованных странах), где один из супругов по отношению к другому выполняет также роль друга [16, Р.21].

К возрастанию доли эгалитарных браков ведет и рост уровня образования в обществе: они чаще встречаются в среде интеллигенции. Для семей, где один из супругов занимает руководящий пост или достиг достаточно высокого социального уровня, характерен брак-содружество [1, С.29].

По мнению ряда исследователей, для семей рабочих характерно более жесткое следование семейным ролям. Их отличительной особенностью является раздельный досуг мужчин и женщин, в то время как в семьях среднего и особенно высшего класса характерен совместный отдых. Чем ниже доход семьи, тем чаще она возглавляется женщиной. Характерный факт, отмечает Ян Робертсон: среди черных семей в США 40% возглавляют женщины [13, С.138].

Существует и такая форма брака, как «независимость», или «изоляция», преобладающая в Великобритании. Ряд исследователей, в частности, В.М.Сатир, основным отношением в семье считают отношение власти («доминантность-субмиссивность») и выделяют следующие типы семей¹: доминирующий муж – подчиненная жена (патриархальная семья); доминирующая жена – подчиненный муж (матриархальная семья); открытая борьба или сотрудничество (эгалитарная семья); изоляция [цит. по 5]. Первые два типа семей еще с конца прошлого века неоднократно рассматривались в социологической литературе, третий – объект чисто современных исследований. Выделение четвертого типа (изоляции) появилось в научной литературе сравнительно недавно.

Подробное описание и сравнительную характеристику «изолированной» английской и «коллективистской» японской семьи дал В.Овчинников. «Если японская семья замкнута для посторонних, то английская семья замкнута еще и внутри – каждый из ее членов куда больше сохраняет неприкосновенность своей частной жизни. Возводя в культ частную жизнь, независимость и самостоятельность человека, англичане обрекают себя на замкнутость, и, стало быть, на одиночество. Крепостные стены для защиты от непрошенных вторжений не только опоясывают домашний очаг, но и разделяют его обитателей. Словом, душа англичанина – это такая же «его крепость», как и его дом. Муж и жена там меньше вмешиваются в дела друг друга, чем это обычно свойственно супружеским парам в других странах.

Внутрисемейную атмосферу отличает сдержанность как своего рода самозащита от излишней фамильярности. Но если открытые проявления симпатии подавляются, то так же подавляются и знаки раздражения, обиды, гнева. Там, где супружеская пара в другой стране предпочла бы добрую ссору, которая разрядила бы атмосферу подобно грозе, англичане постараются как бы не замечать, игнорировать причину размолвки» [9, С.38]. Есть основание полагать, что характер отношений, распространенный в семьях Великобритании, и навел английских исследователей на мысль о существовании браков типа «companionship» (или «брак-содружество»).

Анализируя факторы распределения власти в семье, можно выделить внешние, определяемые стилем государственного управления, культурными традициями, типом социальной принадлежности семьи и социальным статусом

¹ Но в этой системе распределения власти не находится места ребенку.

обоих супругов, и внутренние, зависящие от уровня образования супругов, типа распределения власти в семьях родителей, участия одного (или обоих) супругов в материальном обеспечении семьи.

Психолог Э.Г. Эйдемиллер подчеркивает значение «доминантности-подчиненности» и в то же время в своей методике графического обобщения данных обследования семьи («Анализ семейных отношений») ставит во главу угла понятие «ответственности» как основное отношение, характеризующее семью [12, С.54].

В литературе неоднократно поднимался вопрос, какой тип отношений лучше – традиционный или эгалитарный.

Вряд ли найдется однозначный ответ, поскольку семья – это самостоятельная социальная организация, отдельная система, обладающая своими собственными «индивидуальными» особенностями. Патриархальная семья, казалось бы, уходящая в прошлое, все еще способна обеспечивать воспроизводство населения и социализацию детей.

В связи с этим Маргарэт Мид (1989) предлагает ввести термин «нормальная семья». «Нормальная семья» – понятие очень условное. Таковой предлагается считать семью, которая обеспечивает требуемый минимум благосостояния, социальной защиты и продвижения ее членам и создает потребные условия для социализации детей до достижения ими психологической и физической зрелости. С точки зрения М.Мид, таковой является семья, где ответственность за нее как целое несет отец. Остальные типы семей, где это правило не выполняется, будем считать аномальными. Это – «общечеловеческое» различие типов семей [8, С.321].

Типичную семью советского (и даже постсоветского) периода некоторые авторы (в частности, В.Дружинин) рассматривают как вариант аномальной языческой семьи с рудиментами православной модели.

В такой семье мужчина и женщина борются за власть. Победа достается более сильному – не столько физически, сколько «морально». Пролетаризация, точнее люмпенизация, народа привела и к тому, что сместились отношения в семье: ответственность за семью в целом при социализме берет на себя государство, но реально ее несет женщина [5, С.111].

Деформация семьи по причине смерти одного из родителей, конфликта, развода и пр. имеет разные последствия для детей, воспитывавшихся в семьях, принадлежащих к различным культурам. Смерть отца или развод для «нормативной» советской семьи (аномальной языческой семьи) тяжела, но не является психологической катастрофой. Смерть же матери – трагедия и конец семьи как социальной группы. Противоположная ситуация возможна в семьях с доминирующим и ответственным отцом (православная и протестантская семья). Следует отметить, что здесь имеется в виду не вероисповедание, которого придерживаются члены семьи, а лишь принадлежность семьи к той или иной культуре, условно называемой «протестантской» или «православной» [5, с 155].

Семья также рассматривается как основная форма социальной общности в сфере быта, «первоэлемент быта», включающий в себя комплекс отношений – не только материальных, но и духовных, в основном нравственных и нрав-

ственно-этических. Представители данного подхода определяют семью как особого рода объединение людей, основанное на совместном труде, производстве и распределении материальных благ (и услуг). В этом смысле теоретики делали акцент на совместном производстве и воспроизводстве семьи как основной ячейки общества, долгое время изучавшейся в рамках марксизма. (Не случайно современные исследователи все еще тяготеют к социально-экономической сфере).

В таком аспекте семья выступает как бы “единицей учета». Применительно к семье в современных условиях общность – крайне неопределенное понятие, поскольку самостоятельные члены семьи получают средства к существованию, как правило, из разных источников. Однако и часть расходов члены семьи несут самостоятельно [4, С.26].

Каковы же причины дисфункции института семьи?

В настоящее время в литературе выделились два противоположных подхода относительно причин семейной дисфункции. Первый связан с работами социологов так называемого “научно-феминистского» направления, которые видят прогресс семьи во все большей *эгалитаризации* и освобождении женщин от домашних хлопот. В другом, напротив, призывают вернуться к *традиционной форме*.

Как указывают французские исследователи [15, Р.16], несмотря на ослабление традиционных устоев, в современных семьях в какой-то степени еще сохраняется неравенство мужчин и женщин, приводящее к “застою» в социальном росте последних. Доминирование мужчин, прежде всего, противостоит вышеописанным изменениям в сфере частной (домашней) жизни.

В современном французском (и не только французском) обществе продолжает функционировать – чаще всего в скрытой форме – старая модель, согласно которой женщина в основном прикреплена к дому: ей прежде всего вменяется обязанность управлять домашними делами. Как и прежде, женщина выполняет основные дела по дому, плюс к этому на нее ложатся заботы по воспитанию детей, включая контроль за их учебной.

В основном сохраняется монополия мужчин в сфере общественной жизни, утвердившаяся с древнейших времен. Определенным образом нарушается равновесие и в других сферах деятельности. В профессиональной сфере это приращение женщины к дому ведет к пресловутому “двойному рабочему дню», затрудняет женщине приложение сил в эту сферу, следовательно, и профессиональный рост, карьеру (хотя зачастую способствует профессиональному росту супруга). В сфере образования по той же причине среди девушек и молодых женщин наблюдается определенное самоограничение. Оно вызвано своего рода предвосхищением того, что в дальнейшем придется сочетать профессиональные обязанности и обязанности хозяйки и матери, а это заведомо исключает возможность самой престижной карьеры, которая открывается через успехи в образовании [3, Р.3-8].

По мнению West and Zimmerman (1987), обретая пол, мужчины обретают господствующее, а женщины – подчиненное положение. Воспроизводство гендерного сознания на уровне индивидов поддерживает основанную на признаке

пола социетальную структуру, формируя в отношении «пола» определенные ожидания [15, Р.74-75]. Во многих обществах женщин и мужчин не только воспринимают, но и оценивают по-разному, обосновывая это их гендерными различиями в способностях. По словам Дж.У.Скотт (1988), «пол – это приоритетный способ выражения властных отношений» [7 С.103].

Совокупность таких тенденций, как улучшение образовательного уровня, повышение занятости женщин, контроль рождаемости, позволила женщинам получить большую автономию в отношении супружеских связей, что связано прежде всего с созданием семьи и ее сохранением. В то же время изменение социальной роли женщины вызвало в последние 20 лет изменение брачных отношений: рост количества незарегистрированных семей, разводов, а также увеличение числа женщин, сознательно придерживающихся безбрачия, особенно среди наиболее образованных и высококвалифицированных [3, С.3-8]. Так, по мнению исследователей второго направления, «аномальные» изменения в современной семье произошли вследствие ухудшения положения мужчины. Как указывает В.Дружинин, эгалитарная семья, характерная для индустриальной эпохи и являющаяся результатом кризиса семьи как социального института, маскирует распад структуры семьи и латентный конфликт. Количество разводов, начавшее расти в индустриальных странах, в постиндустриальных достигает максимума. Это позволяет американским социологам говорить о крахе семьи и рождении нового варианта человеческих отношений, не имеющих ничего общего не только с «традиционной семьей», но и с семьей вообще. В США за 30 лет уровень разводов возрос почти в 15 раз, он самый высокий в мире [5, С.34], а 60% канадских детей не воспитываются родным отцом. В этих, а также в западноевропейских странах набирает обороты ювенальная юстиция, нарушающая традиционные отношения «отцов и детей». По показателям стабильности браков, как известно, можно судить о степени духовного благополучия в обществе.

Таким образом, деградация в обществе начинается с дисфункцией института семьи и изменения семейной структуры. Навязываемая цивилизованными западными странами семейная политика с новой для восточно-европейских стран ювенальной юстицией, может привести не только к искажению брачно-семейных отношений, но и всей общественной структуры, тесно связанной с институтом семьи.

По утверждению З.Баумана, в современном обществе семья, брак, родительские отношения, соседство, работа во многом утратили свою роль охранителей границ социетальной фабрики. Считавшийся естественным авторитет «старшего» квалифицируется как недопустимое внешнее насилие. Разрушение внешне заданных критериев нормы (как и внешних границ цивилизации) делает возможным проблематизацию внутренних барьеров, объектом невиданных «улучшений» становится, например, собственное тело. Парадокс заключается в том, что индустрия символического соблазна сделала возможной даже добровольную стерилизацию миллионов граждан демократических государств – эффект, о котором и не мечтали «инженеры» тоталитарных машин [2.]

Нельзя не согласиться с мнением ряда социологов, считающих, что движение к гражданскому обществу сегодня невозможно без институционализации социума, наведения элементарного порядка, правовых норм жизни. Требуется теоретическая база, способная объяснить механизмы влияния трансформационных процессов на характер изменений, происходящих в обществе. Назрела необходимость в проведении междисциплинарного исследования с использованием социологического метода изучения массовых социальных явлений. Такое исследование позволило бы найти конкретные способы восстановления утраченных семьей социальных функций.

Литература

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.М., Дубровская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. (Спецпрактикум по социальной психологии). – М.: МГУ, 1987–120 с.
2. Бауман З. Жизнь во фрагментах: Эссе о постмодернистской морали. Лондон: Блэкуэлл, 1995.
3. Бир А., Пфедферкорн Р. Мужчины/женщины: динамика идентичности: Пер. с франц. //Журнал социологии и социальной антропологии.–1998.–Том 1, №1. – С.3–11.
4. Волков А.Г. Семья–объект демографии. – М.: Мысль, 1986.– 271 с.
5. Дружинин В.Н. Психология семьи.– М.: КСП, 1996.–160 с.
6. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М. – Прогресс-Традиция, 2001
7. Лорбер Дж. Пол как социальная категория. //Женщина, мужчина, семья. //Альманах THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем.– Вып. 6. –М.: THESIS, 1994.–С.103–127.
8. Мид М. Культура и мир детства. –М.: Наука, 1988.– 429 с.
9. Овчинников В. Сакура и Дуб. //Роман-Газета.–1987.–№ 4.– С.1–80 (С. 21);–1987.– № 3.– С.1–80.
10. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ.–М.: Феникс, 1994,–688 с.
11. Сытин А.Г. <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-kak-usloviye-vozmozhnosti-egalitarnogo-mnogoobraziya-v-kontseptsii-dzhona-kin>
12. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Семейная психотерапия.–Л.: Медицина, 1990.– 180 с.
13. Якуба Е.А. Социология. Учебное пособие для студентов вузов.–Х.: Константа, 1996.–192 с.
14. Dictionary of Sociology. /Edited by Marshall G. – Oxford University Press, 1998
15. Hommes-Femmes: l'introuvable egalite.–Paris: Edition de l'Atelier, 1996.–169 p.
16. Nye Fr.J. Role Structure and Analysis of the Family.–London, 1976.–299 p.
17. Pelczynski Z.A. The State a Civil Society, 1984.

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ

И.Э. Надуткина,

*кандидат социологических наук, доцент,
профессор кафедры социальных технологий, НИИ «БелГУ»*

Построение демократического гражданского общества и правового государства в России возможно лишь на основе широкой общественной поддержки тех инновационных процессов, которые связаны с переходом от системы тоталитаризма к демократии.